

1. Критика.

А. П. Доброклонскій. *Преподобный Θεодоръ, исповѣдникъ и игуменъ студійскій.* I часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса. 1913. I—XX + 972 + XC + 10 = 1092 стр. II часть. Его творенія. Выпускъ I. Одесса 1914.

Авторъ настоящаго обширнаго изслѣдованія по своему воспитанію принадлежитъ къ духовной школѣ и потому естественно лучше другихъ подготовленъ къ пониманію и выясненію условій образованія той среды, которая выставила знаменитаго византійскаго богослова, аскета и вмѣстѣ общественнаго дѣятеля, составившаго главный предметъ названной книги. Мы тѣмъ съ большими надеждами извлечъ полезные уроки взялись за чтеніе ея, что, будучи произведеніемъ вполнѣ зрѣлаго мужа, занимающаго каеэдру въ университетѣ, она и своимъ внѣшнимъ видомъ и формальными качествами напоминаетъ хорошія диссертациі, выходившія изъ духовныхъ академій, и тѣмъ подкупаетъ въ свою пользу.

Чтобы подойти къ оцѣнкѣ этого произведенія, считаемъ справедливымъ прежде всего предоставить мѣсто самому автору. Онъ намѣчаетъ широкія рамки для своей работы, предполагая дать не біографію писателя, а исчерпывающее предметъ изслѣдованіе объ эпохѣ, въ которую жилъ Θεодоръ Студитъ. Иначе говоря, онъ обѣщаетъ знакомить съ жизнью Студита на фонѣ исторіи его времени и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть «вновь народившіеся въ его время вопросы и движенія или новыя стадіи прежде начавшихся движеній». Въ особенности рѣшительно указывается цѣль автора въ заключеніи 3 главы (стр. 282 — 3). «Въ своемъ трудѣ мы постараемся критически пересмотрѣть это наслѣдіе (разумѣется литература о Θ. Студитѣ), обсудить разнорѣчія, отмѣтить и исправить ошибки, соединить вѣрныя, но разрозненныя мысли и свѣдѣнія, восполнить пробѣлы путемъ болѣе широкаго использованія изданныхъ и привлеченія рукописныхъ матеріаловъ, наконецъ, все построить въ возможно-цѣльную картину по требованіямъ исторической перспективы, чтобы трудъ нашъ, выйдя изъ рамокъ простой біографіи, сталъ историко-біографическимъ и историко-литературнымъ изслѣдованіемъ». Такъ какъ въ литературѣ

«недостаетъ надлежащей широты историческаго освѣщенія личности, дѣятельности и взглядовъ Θεодора и исторической оцѣнки его заслугъ», то требовалось бы «не только изложить внѣшній ходъ церковноисторическихъ событій его эпохи, но и изобразить ея интересы, потребности, направленія умственно-религіозной жизни и партіи, опредѣлить отношеніе къ нимъ Θεодора и мѣсто, занимаемое имъ въ ряду другихъ лицъ, стоявшихъ на томъ же пути; чрезъ сравненіе съ прошлымъ выяснить, что новаго привнесъ онъ въ духовное достояніе Востока своими воззрѣніями и твореніями... Правда, въ этомъ отношеніи кое-что сдѣлано».

Какимъ же путемъ достигаетъ авторъ предположенной цѣли? Въ обширной первой части имѣемъ 11 главъ, изъ коихъ первыя три, почти треть тома, составляютъ введеніе. Слѣдуютъ затѣмъ шесть главъ, посвященныхъ біографіи избраннаго для изученія писателя, гдѣ читатель и долженъ находить «раскрѣтіе вновь народившихся во время Студита вопросовъ и движеній». Такимъ образомъ, по отношенію къ плану, авторъ придерживается того метода, который всего легче дается въ руки, т. е. излагаетъ біографію Студита по хронологическимъ даннымъ или по отдѣльнымъ царствованіямъ.

Хотя рецензенту слѣдовало бы безъ возраженій принять тотъ планъ, какой данъ авторомъ, но безъ оговорки нельзя его оставить.

Принимая въ соображеніе, что въ изданной части главнѣйше разсматривается иконоборческая эпоха, на которую падаетъ жизнь Θ. Студита, мы не можемъ не встрѣтить нѣкоторыхъ затрудненій по отношенію къ тому обстоятельству, что главный-то вопросъ, разрѣшеніе котораго обѣщаетъ авторъ, не исчерпанъ въ изданной части, а что во второй, еще не напечатанной, дается обѣщаніе вновь представить «изложеніе взглядовъ и аргументаціи Θ. по вопросу объ иконопочитаіи и аскетическихъ его воззрѣній» (Предисловіе стр. 3). Значеніе оговорки заключается въ томъ, что авторъ какъ будто намѣренно распредѣлилъ свой главный предметъ по разнымъ частямъ и тѣмъ лишилъ рецензента возможности распознать, гдѣ находится главная часть его изслѣдованія и гдѣ главные выводы.

Принимаясь за тему, которая имѣетъ обширную литературу и окончательная обработка которой должна дать новую страничку въ исторію христіанской культуры, авторъ необходимо долженъ былъ остановиться на планѣ работы и не очень довѣряться хронологизму. Передъ авторомъ были очень опредѣленные и строго поставленные вопросы, которыхъ нельзя было касаться мимоходомъ, понемногу въ первой и второй части. Таковы: происхожденіе иконоборческой системы, византійскій аскетизмъ, монашество. Выраженный авторомъ взглядъ на эпоху Θ. Студита и на очередные вопросы изученія этой эпохи не находятъ себѣ достаточнаго оправданія въ самой книгѣ, и главную причину того мы должны приписать именно основному недосмотру по отношенію къ методу и распредѣленію матеріала.

Переходимъ къ разсмотрѣнію содержанія. Первая глава занимаетъ сто страницъ, слѣдовательно, составляетъ почти одну десятую часть всей книги. По ней легко составить понятіе о методѣ изслѣдованія автора. Содержаніе главы состоитъ въ характеристикѣ религіознаго состоянія византійскаго общества, преимущественно духовенства. Здѣсь данъ опытъ выясненія условий, въ которыхъ выросла иконоборческая реформа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изложена исторія отношеній государства къ церкви какъ ранѣе иконоборческой смуты, такъ и во время царей иконоборцевъ. Но для чего она составлена и что она привноситъ въ главный предметъ?—Вдумайтесь въ начальныя слова: «Къ VIII в. въ жизни грековосточной церкви развились серьезныя болѣзни. Прежде всего замѣчается упадокъ нравовъ въ духовенствѣ и обществѣ».—Да когда же церковь была свободна отъ этихъ болѣзней? Нѣсколькими строками ниже дѣйствительно находимъ: «указываемые ниже недостатки отмѣчаются въ IV—VI в., переходятъ въ VII и остаются въ наслѣдство къ VIII в.»—Ясно, что церковныя болѣзни отмѣчаются и раньше, будутъ намѣчены въ IX и XI вв., не говоря уже о послѣдующихъ. Значитъ, недостатки церковныя—это общее мѣсто, и едва ли ими можно объяснять спеціальныя явленія VIII вѣка. Церковная исторія, хотя бы излагать ее съ IV в. и подтверждать изложеніе мѣстами изъ Григорія Назіанзина и Василія Великаго, не приведетъ насъ къ пониманію времени Θ . Студита. Да и вообще историку пора оставить это избитое общее мѣсто «о поврежденіи церковной жизни», отъ котораго церковь, какъ человѣческое общество, никогда не была свободна. Этими общими мѣстами не достигается ни точности въ выводахъ, ни оригинальности въ построеніяхъ.

Возьмемъ другое мѣсто (стр. 33): «намъ нѣтъ интереса слѣдить, какъ развивалась исторически аргументація иконоборцевъ VIII в. противъ почитанія и употребленія иконъ.»—Нѣтъ, весьма нужна была именно историческая аргументація съ той цѣлью, чтобы показать, какъ возникла система Θ . Студита. Если бы авторъ оставался вѣренъ выраженнымъ имъ въ разныхъ мѣстахъ взглядамъ, то ему предстояло бы войти въ изслѣдованіе настроеній общества, въ психологію правительства и образованныхъ классовъ мірянъ и духовенства—и всячески попытаться выяснитъ значеніе іудейской и мусульманской пропаганды въ имперіи. Вмѣсто того, онъ ограничивается общими мѣстами или малозначащими фразами (53 прим. 1, 54). Характеризуя отношеніе государства къ церкви въ доиконоборческую эпоху, онъ долженъ былъ вооружиться всѣмъ, имѣвшимся въ его распоряженіи, научнымъ матеріаломъ, ибо, по его же словамъ, церковная политика составляла «одинъ изъ движущихъ нервовъ иконоборческой реформы и одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ во взаимной борьбѣ партій иконоборческой эпохи» (стр. 55), но что же мы находимъ въ его «отступленіи» или исторической справкѣ?—Хорошо извѣстные факты по исторіи церкви отъ

IV вѣка и далѣе, причѣмъ замѣчается пропускъ «De civitate Dei»; но его историческая справка, хотя сама по себѣ обладаетъ хорошими качествами, нисколько не служитъ для преслѣдуемой имъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой главѣ авторъ нисколько не приготовилъ насъ къ иконоборческой системѣ и даже не привелъ въ согласіе собранные имъ факты. Съ одной стороны «церковнымъ идеаломъ отношеній государства и церкви была особность и независимость послѣдней... въ качествѣ принципа онъ вошелъ въ законодательство христіанскихъ императоровъ»; но съ другой стороны «рано стало нарушаться равновѣсіе въ отношеніи государства и церкви... въ умѣ императоровъ крѣпло сознаніе того, что они суть вмѣстѣ и первосвященники и что въ ихъ волѣ дѣла государства и церкви, это сознаніе даже отпечатлѣлось въ законодательствѣ» (стр. 87).—Ясное дѣло, что авторъ прибѣгаетъ къ условностямъ и общимъ мѣстамъ тамъ, гдѣ требовалось выразить опредѣленное мнѣніе, основанное на широкомъ изученіи матеріала.

Такимъ образомъ, при чтеніи первой главы мы не приготовлены къ тѣмъ выводамъ, какіе даются на 90 стр. «Широко задуманная и имѣвшая цѣлью радикально измѣнить установившійся строй религиозной жизни, церковная реформа императоровъ... вызвала сильное возмущеніе умовъ и оппозицію». Такъ ли это? А если таково убѣжденіе автора, то ему слѣдовало указать основанія, почему онъ такъ думаетъ. Да и уполномочиваютъ ли существующіе въ распоряженіи науки факты къ мысли, что Левъ Исавръ могъ широко задумать реформу съ цѣлью радикально измѣнить установившійся строй религиозной жизни? Точно также едва ли авторъ можетъ защитить то, что онъ говоритъ на стр. 96 и слѣд., что изъ среды монаховъ выходили самые горячіе обличители иконоборцевъ и самые дѣятельные агитаторы въ защиту иконопочитанія и всего стариннаго уклада жизни. Подчеркнутыми словами мы хотѣли бы спросить: да какой же старинный укладъ защищали монахи?

Какъ о первой главѣ, такъ вообще о введеніи мы должны сказать, что здѣсь многое слѣдовало бы сократить, и сочиненіе отъ этого сокращенія только бы выиграло. Не всякое лыко въ строку, не весь процессъ черновой работы нужно вводить въ изложеніе. Излишнее стремленіе къ внѣшней и чисто формальной дѣловитости и точности приводитъ къ скучнымъ повтореніямъ, досадному резонерству и погонѣ за общими мѣстами, которыя далеко не возвышаютъ цѣну сочиненія. Стоитъ только вспомнить, что къ темѣ подходитъ авторъ въ IV главѣ и что цѣлая треть сочиненія готовится къ темѣ!

Въ четвертой главѣ авторъ вводитъ, наконецъ, *in medias res*, начинаетъ знакомить съ біографіей Θ. Студита. Какъ при составленіи предыдущихъ главъ, ему предварительно нужно было имѣть уже готовое понятіе о главныхъ факторахъ иконоборческой эпохи, такъ, приступая

къ біографіи столь прославленнаго византійскаго богослова и почитаемаго церковью подвижника, онъ долженъ былъ необходимо дать себѣ отчетъ въ матеріалѣ житій святыхъ, изъ котораго главнѣйше черпаются факты для біографіи знаменитаго Студита. Кромѣ того, съ Ѳ. Студитомъ и съ его дѣятельностью въ качествѣ игумена студійскаго монастыря мы вступаемъ въ тѣсное общеніе съ большой общественной силой, которая создалась въ Византіи въ эту эпоху. Все вело къ неизбѣжному попутному изученію литературы, посвященной житіямъ святыхъ и византійской аскетикѣ, въ которой такое мѣсто занимаетъ игумень студійскаго монастыря.

Говоря о родителяхъ и семьѣ Θεодора Студита, о воспитаніи и первоначальныхъ годахъ до выступленія на политическое поприще, авторъ долженъ бы былъ ознакомить насъ съ настроеніями средняго зажиточнаго класса въ городѣ и деревняхъ, среди котораго и образовалось движеніе, захватившее городъ и деревню и увлекшее въ монастырь цѣлыя семьи. Такъ какъ самый живой источникъ свѣдѣній о настроеніяхъ эпохи находится въ обширной житійной литературѣ, то казалось бы необходимымъ выяснитъ вопросъ о томъ, какъ относиться къ житіямъ святыхъ и въ частности Ѳ. Студита въ смыслѣ историческаго матеріала. Почерпаемая въ жизнеописаніяхъ святыхъ характеристики не выражаютъ ли скорѣй міровоззрѣніе и настроеніе самихъ авторовъ, а не жизненныя реальныя черты описываемыхъ лицъ. Въ житіяхъ рѣзко выраженъ аскетическій идеалъ монастырскихъ круговъ, изъ которыхъ выходили составители біографій святыхъ. Не достаточно сказать, что Θεодоръ воспитывался въ духѣ православія и аскетической морали (стр. 298), слѣдовало остановиться на аскетизмѣ, и притомъ выяснитъ его значеніе.

Рецензентъ преклоняется передъ трудолюбіемъ автора, передъ тщательнымъ подборомъ литературы и примѣчаніями, состоящими изъ цѣлыхъ страницъ петита. Повидимому, не пропущено ничего, все принято къ свѣдѣнію; и между тѣмъ, не достаетъ того, къ чему обыкновенно приводитъ тщательное знакомство съ источниками и литературой; къ углубленію въ изучаемую матерію, которое приводитъ къ постановкѣ новыхъ запросовъ. Широкое знакомство съ источниками должно вести къ тому, что они стачовятся легко послушнымъ матеріаломъ, въ которомъ авторъ легко разбирается, группируя его по степени его достовѣрности.

Между тѣмъ, нашъ авторъ остается подъ властью прочитанной имъ книги или источника и повторяетъ старыя общія мѣста. Откуда, напримѣръ, онъ объяснитъ реакцію въ пользу возстановленія (стр. 310) стариннаго уклада жизни при Львѣ IV, и что это за укладъ?

Въ той же главѣ, подробно рассказавъ о вступленіи всей семьи Студита въ монастырь, равно какъ объ основаніи имъ семейной монашеской общины, авторъ могъ бы придать больше оживленія и

реального значенія нарисованной имъ картинѣ, если бы освѣтилъ сообщенные имъ факты исторіей лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ. Въ смыслѣ использованія матеріала авторъ выше упрековъ, но нарисованная имъ картина мало новаго и оригинальнаго привноситъ въ культурную исторію Византіи и не выясняетъ происхожденія и образованія такого типа, какъ *Θ. Студитъ*.

Сравнительно небольшая V глава (350—394) занимается много на шумѣвшимъ въ Византіи бракомъ Константина VI, который больше, впрочемъ, имѣлъ значенія въ личной жизни Студита, чѣмъ въ эволюціи иконоборческаго движенія. Но здѣсь авторъ имѣетъ подъ руками хорошій матеріалъ и послушно слѣдуетъ ему. Два примѣра въ доказательство того, какъ подчинился онъ житійнымъ воззрѣніямъ. «Отъ такого императора, какимъ былъ Константинъ VI, къ тому же ослѣпленнаго страстью, можно было ждать всего и тѣмъ болѣе иконоборства» (стр. 355). Или еще: «незаконный разводъ и бракъ Константина VI, оставшіеся безнаказанными, начали вызывать упадокъ семейныхъ нравовъ въ обществѣ. Многие, особенно правители областей и городовъ... въ оправданіе своихъ похотей указывали на примѣръ императора» (390). Это, конечно, воззрѣніе автора житій святыхъ, а подъ перомъ современнаго профессора оно является на вѣтеръ брошенной фразой.

Съ началомъ VI главы авторъ становится на болѣе торную дорогу, которая ведетъ его къ поставленной цѣли. На основаніи собственныхъ произведеній Студита, его писемъ и поученій, авторъ вводитъ насъ въ исторію Студійскаго монастыря и знакомитъ со строемъ общежительнаго устава (*ὁ κοινοβιακὸς κανὼν*), гдѣ «блаженное и святое послушаніе», образцомъ котораго можетъ служить тотъ, кто повинуется даже сухой палкѣ, поставленной игуменомъ, доведено до крайнихъ предѣловъ. Въ высшей степени внимательно рассмотрѣна внутренняя жизнь братіи, ремесла, занятія какъ умственныя, такъ и физическія. Все подтверждено ссылками на источники. И какія ссылки?—Что безвременныя бесѣды при богослуженіи, на трапезѣ, за общими работами возбраняются, на это приведены обширныя литературныя указанія на стр. 483, прим. 2. Развѣ это не излишняя роскошь? Подобное же замѣчаніе можетъ вызвать стр. 407 прим. 1, гдѣ доказывается аналогіями мысль о существованіи за монастыремъ земельныхъ угодій! Конечно, былъ бы полученъ другой результатъ, если бы матеріалъ подвергался болѣе глубокому изученію, если бы авторъ предъявлялъ къ изучаемому матеріалу нѣкоторые запросы. Возьмемъ для примѣра хотя бы вопросъ о монастырской библиотекѣ, который заслуживалъ бы внимательнаго рассмотрѣнія, а между тѣмъ у автора мы находимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминаніе о библиотекѣ (494, 516, 553, 945—9) и не имѣемъ представленія ни о составѣ ея, ни о томъ, какое вліяніе оказывала она на братію. Если книга вы-

давалась на одинъ день и передъ вечерней отбиралась, то какъ будто идетъ рѣчь о книгахъ молитвенныхъ, а не образовательныхъ или научныхъ. Лучшее о библиотекѣ онъ сказалъ, наконецъ, въ заключительной главѣ, и этого бы не случилось, если бы матеріалъ былъ лучше расположенъ. «Братство для погребенія умершихъ бѣдняковъ», въ которомъ принималъ участіе Студитъ, наводитъ мысль на византійскіе цехи и корпораціи (стр. 585)—и этотъ вопросъ долженъ бы былъ остановить на себѣ вниманіе автора.

Точно также на историческомъ фонѣ развивается вся 7 глава, политическія событія переплетаются съ біографическими фактами. Центральное мѣсто долженъ бы занимать соборъ 808—9 года и сношенія *Θ.* Студита съ Римомъ. Что въ изслѣдованіи мелкіе факты не всегда связаны съ центральнымъ и играютъ иногда самостоятельную роль, это еще не можетъ быть поставлено въ недостатокъ: переписка съ итальянскими друзьями и сама по себѣ очень интересна, точно также и объясненіе мотивовъ разрыва Студита съ церковью (625, 655, 673). Но что нельзя безнаказанно, въ связи съ біографіей писателя, говорить о техническихъ вопросахъ, гдѣ требуется спеціальная подготовка, это видно на стр. 593; въ выраженіяхъ о таможенныхъ пошлинахъ, о военной службѣ и о податяхъ допущены разныя неправильности.

Вполнѣ становимся на сторону автора въ той части, гдѣ онъ дѣлаетъ попытку психологическаго анализа настроенія *Θ.* Студита въ рѣзкомъ выступленіи его противъ господствующей партіи. Здѣсь потребовалось много и трезвости и опытности, чтобы не быть увлеченнымъ въ сторону и выдержать до конца настроеніе. Нельзя не видѣть, что студійскій игумень иногда увлекался и что въ его построеніяхъ можно усматривать и «зерно дѣйствительности, и субъективныя прикрасы» (стр. 636). Едва ли не слѣдуетъ видѣть излишнихъ притязаній въ мнѣніи, что на монашествѣ лежитъ обязанность быть блюстителями чистоты евангелія и что монахамъ не слѣдуетъ подавать примѣра мірянамъ въ ереси и въ общеніи съ еретиками (628).

Съ этой точки зрѣнія, и въ оцѣнкѣ главнаго различія между двумя направленіями, раздѣлявшими общество, авторъ обнаружилъ серьезное отношеніе къ своей задачѣ. Вопросъ о «спасительной экономіи» и объ «акривіи» или строгомъ подчиненіи канонамъ, слишкомъ много занималъ умы въ занимающее насъ время, и потому совершенно справедливо ему удѣлено много мѣста. Одна страничка (стр. 707), составляющая выводъ автора, можетъ быть отмѣчена здѣсь какъ особенно удачная. «Историческій опытъ подсказываетъ намъ, что дисциплина и сознаніе долга развиваютъ въ народѣ, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, волевою силу и твердость характера, послабленія же укрѣпляютъ лишь произволь, а не волю. Въ этомъ отношеніи политика *ἀκριβείας* имѣетъ безспорно свою хорошую сторону. Но съ другой

гороны она имѣетъ и свою невыгоду. Преслѣдуя букву закона и храня неизмѣнность существующихъ церковныхъ правилъ, она по природѣ своей консервативна. Поэтому... она неизбѣжно сковывала бы церковно-общественную жизнь въ болѣе или менѣе окаменѣлыхъ юрмахъ. Политика же экономіи съ ея тенденціей въ сторону послабленій и измѣненій въ области церковной дисциплины примѣнительно къ измѣняющимся условіямъ настоящаго и будущаго времени, заключала въ себѣ задатки болѣе свободнаго развитія церковно-общественной жизни».

Это прекрасно. Но жаль, что авторъ не остается вѣрнымъ столь правильному логическому положенію. На стр. 710 какъ будто читаемъ уже изъ другого автора. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что христіанская древность была противъ смертной казни еретиковъ, съ другой же, что уже съ IV вѣка началось преимущественно на западѣ и обратное теченіе, которое впослѣдствіи, въ ожесточенной борьбѣ церкви съ ересями и расколами, приобрѣтало болѣе и болѣе силы. На этотъ же путь со времени еще Константина В. стало и византійское законодательство въ отношеніи къ еретикамъ и раскольникамъ, даже Левъ III въ своей эклогѣ подтвердилъ смертную казнь для павликианъ и монтанистовъ». Итакъ, гдѣ же указана та христіанская древность, которая была противъ смертной казни еретиковъ?

Въ IX главѣ (стр. 722—841) разсматривается исторія иконоборческаго движенія при Львѣ V. Можетъ считаться очень прочно установленнымъ фактомъ, что избраніемъ Льва V иконоборческая партія сдѣлала еще разъ новое напряженіе, чтобы поддержать иконоборческую систему. Поэтому находимъ совсѣмъ неправильнымъ взглядъ автора на послѣдовательное развитіе изучаемаго имъ движенія, выражаемый имъ на стр. 728: «какъ при императорахъ исаврійскаго дома, въ составъ ея (т. е. партіи реформъ) входили преимущественно нѣкоторые изъ придворныхъ, войско, люди по своей профессіи связанные съ циркомъ и театромъ, праздная и голодная чернь, многіе изъ епископовъ и дворцоваго клира».—Въ особенности забавно то общество, куда поставлены «многіе изъ епископовъ».

Но мы должны совершенно отдѣлить историческую канву или историко-литературные и обще-культурные вопросы отъ біографическихъ; первые находятся въ непримиримой враждѣ съ послѣдними. Съ большимъ удовольствіемъ можно слѣдить за политической и религіозной борьбой Θ. Студита, которая съ этого времени приобрѣтаетъ особенно широкое значеніе и приковываетъ къ себѣ вниманіе самыхъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ. Здѣсь авторъ вполне владѣетъ своимъ предметомъ и съ знаніемъ дѣла располагаетъ тщательно собранный матеріалъ. Вообще мы готовы были бы на многое посмотрѣть снисходительно и не вмѣнять автору всякое лыко въ строку въ виду нѣсколькихъ десятковъ страницъ въ этой главѣ. Не будемъ

стороны она имѣетъ и свою невыгоду. Преслѣдуя букву закона и охраняя неизмѣнность существующихъ церковныхъ правилъ, она по природѣ своей консервативна. Поэтому... она неизбежно сковывала бы церковно-общественную жизнь въ болѣе или менѣе окаменѣлыхъ формахъ. Политика же экономіи съ ея тенденціей въ сторону послабленій и измѣненій въ области церковной дисциплины примѣнительно къ измѣняющимся условіямъ настоящаго и будущаго времени, заключала въ себѣ задатки болѣе свободнаго развитія церковно-общественной жизни».

Это прекрасно. Но жаль, что авторъ не остается вѣрнымъ столь правильному логическому положенію. На стр. 710 какъ будто читаемъ уже изъ другого автора. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что христіанская древность была противъ смертной казни еретиковъ, съ другой же, что уже съ IV вѣка началось преимущественно на западѣ и обратное теченіе, которое впослѣдствіи, въ ожесточенной борьбѣ церкви съ ересями и расколами, приобрѣтало болѣе и болѣе силы. На этотъ же путь со времени еще Константина В. стало и византійское законодательство въ отношеніи къ еретикамъ и раскольникамъ, даже Левъ III въ своей эклогѣ подтвердилъ смертную казнь для павликианъ и монтанистовъ». Итакъ, гдѣ же указана та христіанская древность, которая была противъ смертной казни еретиковъ?

Въ IX главѣ (стр. 722—841) разсматривается исторія иконоборческаго движенія при Львѣ V. Можетъ считаться очень прочно установленнымъ фактомъ, что избраніемъ Льва V иконоборческая партія сдѣлала еще разъ новое напряженіе, чтобы поддержать иконоборческую систему. Поэтому находимъ совсѣмъ неправильнымъ взглядъ автора на послѣдовательное развитіе изучаемаго имъ движенія, выражаемый имъ на стр. 728: «какъ при императорахъ исаврійскаго дома, въ составъ ея (т. е. партіи реформъ) входили преимущественно нѣкоторые изъ придворныхъ, войско, люди по своей профессіи связанные съ циркомъ и театромъ, праздная и голодная чернь, многіе изъ епископовъ и дворцоваго клира».—Въ особенности забавно то общество, куда поставлены «многіе изъ епископовъ».

Но мы должны совершенно отдѣлить историческую канву или историко-литературные и обще-культурные вопросы отъ біографическихъ; первые находятся въ непримиримой враждѣ съ послѣдними. Съ большимъ удовольствіемъ можно слѣдить за политической и религіозной борьбой Э. Студита, которая съ этого времени приобрѣтаетъ особенно широкое значеніе и приковываетъ къ себѣ вниманіе самыхъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ. Здѣсь авторъ вполне владѣетъ своимъ предметомъ и съ знаніемъ дѣла располагаетъ тщательно собранный матеріалъ. Вообще мы готовы были бы на многое посмотрѣть снисходительно и не вмѣнять автору всякое лыко въ строку въ виду нѣсколькихъ десятковъ страницъ въ этой главѣ. Не будемъ

останавливаться на тщательномъ подборѣ данныхъ о личной судьбѣ *Θ. Студита*—это главная тема сочиненія; но топографія мѣстъ ссылки и обширная корреспонденція, которою ссыльный игумень успѣлъ организовать и посредствомъ писемъ оживить высокими идеалами гонимую партію, разсѣянную по разнымъ областямъ имперіи, составляетъ вѣнокъ въ дѣятельности *Студита*, и авторъ далъ надлежащее мѣсто и освѣщеніе этой сторонѣ заслугъ своего героя. «Его письма разносились на пространствѣ отъ Сициліи и Рима до Александріи и Іерусалима; они адресовались лицамъ разныхъ сословій и положеній отъ патріарховъ и епископовъ—до рядовыхъ монаховъ и простыхъ торговцевъ».

Замыслы *Студита* направлялись даже за предѣлы Византіи. Онъ рассчитывалъ на непосредственное вмѣшательство папы въ церковныя дѣла Востока и замышлялъ даже привлечь западнаго императора къ рѣшенію иконоборческаго дѣла. Во многихъ обращеніяхъ на западъ выраженный *Студитомъ* взглядъ на папу, какъ «на богосвѣтлый свѣтильникъ для освѣщенія вселенской церкви съ первѣйшаго апостольскаго престола», даетъ поводъ создать теорію о «пятистолпномъ» церковномъ тѣлѣ, которая не останется безъ вліянія на ближайшія отношенія между Западомъ и Востокомъ. Въ оцѣнкѣ отмѣченнаго самаго возвышеннаго положенія, до котораго только достигла дѣятельность *Студита*, авторъ стоитъ на высотѣ историко-литературныхъ данныхъ и заслуживаетъ похвалы.

Глава X (842—928 стр.) посвящена обзору послѣднихъ шести лѣтъ (820—826) жизни *Студита*. И здѣсь мы пойдемъ вмѣстѣ съ авторомъ, гдѣ онъ не выходитъ изъ границъ біографіи, признавая за нимъ и большую начитанность и правильность въ постановкѣ изучаемаго матеріала. Но готовы оспаривать его шагъ за шагомъ, какъ скоро онъ вдается въ оцѣнку общихъ фактовъ.

Съ новымъ царствованіемъ *Михаила II*, представителя аморійской династіи, въ положеніи иконопочитателей не произошло перемѣны. Хотя подвергшіеся гоненію и ссылкѣ получили свободу и могли возвратиться на мѣста прежняго обитанія, но система продолжалась та же, и господствующее положеніе осталось за иконоборцами.

Авторъ не хочетъ подмѣтить значительнаго движенія впередъ въ изучаемомъ имъ вопросѣ, а между тѣмъ оно сказывалось весьма чувствительно. Стоило внимательнѣй отнестись къ двумъ фактамъ, относящимся къ царствованію *Михаила II*: къ появленію на Востокѣ самозванца *Θомы* и къ перепискѣ съ *Людвикомъ Благочестивымъ*. Оба указанная обстоятельства занимали очень большое мѣсто въ исторіи того времени и могутъ считаться кульминаціоннымъ пунктомъ въ иконоборческомъ вопросѣ; между тѣмъ авторъ коснулся (855, 858, 864 стр.) ихъ поверхностно и потому для него остались не раскрытыми ни политическіе, ни соціальные мотивы въ изучаемомъ вопросѣ. Но во всемъ остальномъ, т. е. въ приложеніи къ личной исторіи

Ееодора Студита, разсматриваемая глава должна быть причислена къ весьма удачнымъ.

Такова характеристика вліянія Студита на обширный кругъ его почитателей и учениковъ, вынесенная изъ произведеній самого же Студита. «Четырехлѣтіе сегодня, какъ мы не съемъ и не жнемъ, а Богъ непрестанно даетъ намъ тѣлесное пропитаніе, отверзая житницы имущихъ и изливая винные запасы благочестивыхъ (875 стр.)». Боевой характеръ студійскаго игумена и его ревность по вѣрѣ отмѣчена выразительными чертами: «страшенъ судъ за молчаніе особенно при настоящей злонамѣренной глухотѣ еретиковъ»; «не молчать, когда вѣра въ опасности. Когда дѣло идетъ о вѣрѣ, не слѣдуетъ говорить: кто я? Безчувственная природа слушается Бога, а ты ослушаешься» (883, 884). Бойко нарисована картина положенія церкви, раздѣленной на двѣ части: почитающую иконы и иконоборческую (стр. 885 и слѣд.). Это картина раздвоенія церкви, какъ было при патріархѣ Фотіи, или это также страничка изъ церковной исторіи на Балканскомъ полуостровѣ во время борьбы въ Македоніи между патріархистами и эксархистами!

Въ послѣдней главѣ (XI стр. 929—972) дѣлается общая оцѣнка дѣятельности Ѳ. Студита. Охотно признаемъ, что авторъ прекрасно изучилъ матеріалъ для основной темы и что образъ византійскаго дѣятеля иконоборческой эпохи возстановленъ имъ въ яркихъ краскахъ. «Весь проникнутый ревностью объ интересахъ церкви, о православіи... прямолинейный, удивительно энергичный, боевой по натурѣ, неустрашимый, непреклонный и неподкупный, всегда готовый жертвовать личнымъ благополучіемъ ради высшихъ цѣлей... онъ сталъ одной изъ центральныхъ фигуръ въ столкновеніи тогдашнихъ теченій и тогдашнихъ церковныхъ политикъ. То онъ самъ начиналъ борьбу, то примыкалъ къ другимъ, но оставлялъ ихъ позади, выдвигаясь впередъ, всѣхъ возбуждая, всѣхъ объединяя въ борьбѣ» (стр. 929).

Переходя къ общей оцѣнкѣ разбираемаго труда, начнемъ съ замѣчанія по поводу выдвигаемаго авторомъ положенія о степени успѣшности веденной Студитомъ борьбы (961 и сл.). Намъ бы казалось, что не тою мѣркой слѣдуетъ измѣрять пылкаго, увлекающагося, такъ любовно относившагося къ паствѣ и такъ популярнаго студійскаго игумена.

Слѣдуетъ ли ставить въ непосредственную связь съ дѣятельностью Студита торжество православія въ 843 году? Иконоборческая система не при Студитѣ началась и въ своемъ развитіи отъ него мало зависѣла. Кромѣ того, нельзя терять изъ виду, что движеніе противъ почитанія иконъ не закончилось эпохой торжества православія. И о томъ слѣдуетъ подумать, говорить жизнеописатель св. Никиты (Acta SS. april. 1 p. 260), что основатели другихъ ересей были епископы, либо священники, эта же (т. е. иконоборчество) ересь

произошла отъ самихъ императоровъ; прочія ереси развивались и усиливались мало по малу чрезъ распространение и опроверженіе, эта же въ самомъ началѣ была могущественна, ибо опиралась на императорскій авторитетъ.

Что касается реформы монастырской жизни и значенія студійскаго устава, въ этомъ отношеніи заслуга Θ . Студита никѣмъ не оспаривается. Но едва ли можно высказаться рѣшительно о значеніи принципа «строгаго подчиненія канонамъ» въ противоположность принципу «спасительной экономіи», примѣненіе котораго такъ обостряло отношенія между церковными партіями. Да и самъ авторъ признаетъ (стр. 965), что отстаиваемый Студитомъ принципъ не былъ такимъ, который бы велъ церковь къ свободному развитію (стр. 707) и не остался руководственнымъ въ ближайшее время. Наконецъ, относительно борьбы за независимость церкви, слѣдуетъ также признать недостаточность достигнутыхъ успѣховъ. «Общее положеніе церкви относительно высшей государственной власти, говоритъ авторъ на стр. 969, осталось прежнее въ смыслѣ преобладанія государства надъ церковью. Большинство ея высшихъ представителей было послушнымъ орудіемъ императорской воли. Такимъ образомъ борьба за независимость церкви въ окончательномъ видѣ не достигла цѣли. Это общее мнѣніе изучавшихъ исторію Византіи».

Послѣдній выводъ можетъ привести въ смущеніе внимательнаго читателя книги г. Доброклонскаго. Къ чему же въ концѣ концовъ приводитъ насъ авторъ? Въ сущности студійскій игумень не достигъ преслѣдуемыхъ цѣлей... На самой послѣдней страницѣ сочиненія мы имѣемъ и разгадку того положенія, въ которое необходимо долженъ былъ попасть Θ . Студитъ въ борьбѣ съ иконоборческой системой.

Принципъ Студита или «политика $\acute{\alpha}\chi\rho\rho\rho\epsilon\iota\alpha\varsigma$ », обратившись въ постоянную систему, неизбѣжно сковывалъ бы общественную и церковно-государственную жизнь въ застывшихъ традиціонныхъ формахъ, а между тѣмъ тогдашнему обществу нужна была коренная встряска, т. е. реформа, подобная той, какая была задумана иконоборцами. Но эта послѣдняя была поведена такъ круто, что сразу встрѣтила (правда ли?) сильный отпоръ и погубила. Съ другой стороны, если бы она вводилась постепенно, то упомянутый принципъ («точности канонѣвъ») постоянно бы стоялъ ей поперекъ дороги. Случилось, что погубила иконоборческая реформа, а окрѣпла политика $\acute{\alpha}\chi\rho\rho\rho\epsilon\iota\alpha\varsigma$ и присущій ей консерватизмъ жизни.

Трудно согласиться съ общими выводами какъ по отношенію къ Θ . Студиту, такъ и примѣнительно къ иконоборческому вопросу вообще. Но такъ какъ, слѣдя за развитіемъ мыслей автора, мы не разъ выражали полное согласіе съ нимъ въ той части, которая касается біографіи Студита, то, казалось бы, не должно имѣть мѣста разностей во взглядахъ на оцѣнку его заслугъ. Но Студитъ выросъ и образо-

вался, какъ политическій характеръ и литературный типъ, въ самой серединѣ иконоборческаго періода и въ постоянномъ соприкосновеніи съ иконоборческой средой, и оцѣнка его дѣятельности, конечно, должна быть въ зависимости отъ пониманія самой иконоборческой эпохи. Эта же сторона вопроса не изучена авторомъ въ той полнотѣ, какая требовалась, чтобы можно было дѣлать заключенія о ея влияніи на дальнѣйшія судьбы Византіи, иначе бы онъ не могъ допустить мысли, что эта система, направлявшая жизнь имперіи болѣе 100 лѣтъ, могла погибнуть. Поэтому возникаетъ сомнѣніе, такъ ли понята и истолкована авторомъ иконоборческая реформа и поставлены ли въ связь и зависимость задачи и стремленія Ѳ. Студита съ иконоборческимъ движеніемъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что иконоборческій вопросъ не выясненъ по его происхожденію и по развитію. Нельзя же мыслить эту систему въ одинаковомъ состояніи и при Львѣ Исаврѣ, и при Михаилѣ III и Θεодорѣ. Все же слѣдуетъ отдавать себѣ отчетъ, что система находила себѣ постоянную поддержку и у свѣтской власти, и въ церковныхъ кругахъ. Далѣе, иконоборческая система испытывала различныя стадіи развитія, и примѣненіе иконоборческихъ принциповъ зависѣло отъ условій времени: первые руководители и виновники движенія далеко не могли предвидѣть ближайшихъ послѣдствій начатой борьбы. Очень любопытно, что въ первый періодъ развитія иконоборчество находить себѣ поддержку въ восточныхъ этнографическихъ элементахъ, а въ концѣ періода пафлагонянка Θεодора и вся ея родня восточнаго происхожденія стоятъ уже на сторонѣ православнаго образа мыслей. Ясно, что произошла большая перемѣна въ настроеніяхъ умовъ и необходимая эволюція въ самой иконоборческой системѣ. Напомнимъ, наконецъ, что первое оффиціальное выраженіе принципа иконоборчества на 4 засѣданіи VII вселенскаго собора заключаетъ въ себѣ опредѣленный философскій и догматическій смыслъ, какого не имѣлось ни въ эдиктѣ Льва III, ни въ современныхъ ему анти-иконоборческихъ произведеніяхъ. Именно, было выражено на этомъ соборѣ, что иконоборческая система подрываетъ тайну божественнаго домостроительства, т. е. догматъ вочеловѣченія и искупленія.

Чтобы бросить общій взглядъ на разностороннюю дѣятельность игумена Студійскаго монастыря, необходимо найти способъ поставить его въ такое освѣщеніе, чтобы его попечительная заботливость объ улучшеніи монашеской жизни и его богословско-литературная производительность, его уставъ и огласительныя поученія, заботы о церковныхъ правахъ и аскетизмъ—словомъ, чтобы вся такъ богато одаренная природа его выступила на фонѣ исторіи Византіи IX вѣка. Ставить вопросъ о томъ, чего достигъ и чего не достигъ Ѳ. Студитъ, и потому казалось бы намъ ненужнымъ, что въ годъ смерти

его ни иконоборцы, ни иконопочитатели не готовились сложить оружія, но собирались съ новыми силами. Не пытаюсь отдѣлить Студита от настроеній и идей иконоборческой эпохи, мы бы искали дать выраженіе его вліянію и заслугамъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) своими богословскими произведеніями онъ утвердилъ систему иконопочитанія; 2) личнымъ примѣромъ, письмами и поученіями онъ далъ православной партіи внутреннюю организацію и нравственную силу; 3) уставомъ общежительнаго монастыря онъ обновилъ монашество и далъ живое начало для его развитія.

Въ двухъ главахъ II части имѣемъ тщательно произведенный анализъ вопроса о письмахъ *Θ. Студита*. Это старательно сдѣланная критическая работа, за которую благодарятъ автора византисты. Рецензентъ выражаетъ сожалѣніе, что ему предстояло здѣсь говорить не объ этой только части труда проф. Доброклонскаго, а объ разныхъ матеріяхъ, изложенныхъ имъ въ 1 томѣ, и что онъ не можетъ перенести центра тяжести своей рецензійи на эту часть, такъ хорошо поставившую вопросъ о подлинности, текстѣ и хронологіи писемъ Студита.

Авторъ общаетъ во второй еще не изданной части своего изслѣдованія говорить о взглядахъ и аргументаціи Студита по вопросу объ иконопочитаніи и аскетическихъ его воззрѣніяхъ. Какъ знать, можетъ быть вторая часть дастъ иную постановку тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ мы теперь расходимся съ почтеннымъ авторомъ.

Θ. Успенскій.